

Теория и история государства и права / Theory and History of State and Law

Научная статья

УДК 340

EDN: BKKNRT

Соотношение национального и международного права: вопросы теории

Карина Владимировна Павловская

Российский государственный университет правосудия, Москва, Россия

✉ karinnkis@yandex.ru

Научный руководитель: Т. В. Власова, к.ю.н., доцент, доцент кафедры теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия

Аннотация. Анализ соотношения национального и международного права, несмотря на разностороннюю исследованность этих проблем, не теряет теоретической и практической значимости. Участие государств в международных правоотношениях, сохранение ими независимости и самостоятельности при осуществлении государственной власти внутри страны и за ее пределами обуславливают необходимость установления возможностей и пределов влияния международного права на национальное, а также использования тех способов имплементации, которые обеспечат интересы данного государства. В статье проанализированы выработанные наукой подходы к соотношению национального и международного права, способы имплементации принципов и норм последнего в национальную правовую систему на примере современного российского права.

Обоснован вывод: именно монистическая концепция, основанная на сбалансированном соотношении национального и международного права с приоритетом последнего, позволяет сохранить государственные интересы и сформировать сложную, но слаженную и эффективно действующую систему принципов и норм права, закрепленных в иерархически выстроенной системе форм национального и международного права.

Ключевые слова: национальное право, международное право, принципы права, нормы права, имплементация

Для цитирования: Павловская К. В. Соотношение национального и международного права: вопросы теории // Фемида.Science. 2024. № 2 (15). С. 13–21.

Original article

The Correlation Between National and International Law: Issues of Theory

Karina V. Pavlovskaya*Russian State University of Justice, Moscow, Russia*✉ *karinnkis@yandex.ru*

Scientific supervisor: **T. V. Vlasova**, Candidate of Science (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Theory of Law, State and Judicial Power Department of the Russian State University of Justice

Abstract. The analysis of problems of the correlation of national and international law, despite their diversified research, do not lose their theoretical and practical significance. The participation of states in international legal relations, their preservation of independence in the exercise of state power inside and outside the country necessitates the establishment of limits to the influence of international law on national law, as well as the use of those methods of implementation that will ensure the interests of this state. The article analyzes the approaches developed by science to the relationship between national and international law, ways of implementing the principles and norms of the latter into the national legal system on the example of modern Russian law. It is concluded that it is precisely the monistic concept based on a balanced ratio of national and international law with the priority of the latter that allows preserving state interests and forming a complex, but well-coordinated and effectively functioning system of principles and norms of law enshrined in a hierarchically structured system of forms of national and international law.

Keywords: national law, international law, principles of law, norms of law, implementation

For citation: Pavlovskaya, K. V. The correlation between national and international law: issues of theory. *Femida.Science = Themis.Science*. 2024;(2):13-21. (In Russ.)

Проблема соотношения национального и международного права, вопреки ее исследованности в рамках как науки теории государства и права, так и международного права, сохраняет актуальность. Каждое государство характеризуется наличием у него суверенитета, определяющего его независимость и самостоятельность в осуществлении государственной власти внутри страны и за ее пределами. При этом оно может выступать субъектом международных правоотношений, которые регулируются принципами и нормами международного права, что порождает необходимость выявления пределов влияния последнего на национальное право отдельных государств, а также использования тех способов имплементации, которые обеспечат интересы данного государства.

Прежде чем раскрыть вопрос о соотношении национального и международного права, следует отметить, что в научной литературе нет единства в понимании того, чем они являются – правовыми системами или системами права. Например, Е. М. Дерябина рассматривает их как правовые системы [1], а П. Н. Бирюков и Д. В. Галушко определяют международное право как систему права [2, с. 31–33], в то же время отмечая, что его подсистемами

выступают правовые системы [2, с. 34] (т. е. исходя из теории права – более крупные элементы), а право отдельных государств характеризуют через правовые системы. Полагаем, что национальное и международное право следует рассматривать как правовые системы, при этом национальное право характеризуют формы права и государственно-правовые институты отдельно взятого государства, а международное право характеризуется международными формами права и политико-правовыми институтами, которые устанавливаются и признаются участниками международных правоотношений.

В настоящее время ученые выделяют два подхода к соотношению данных правовых систем: дуалистический и монистический.

Дуалистическая концепция сформировалась в конце XIX – начале XX в. Основными представителями данного подхода являются Г. Триппель и Д. Анцилотти. В частности, Г. Триппель пишет, что национальное и международное право тесно соприкасаются, но не пересекаются, имея при этом множество взаимосвязей [3, с. 27]. Данный подход нашел воплощение в праве Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии. Как отмечает М. А. Занина, «согласно концепции дуализма международное право не зависит от воли какого-либо конкретного государства, а выражает общую волю всех государств. При этом каждое государство вправе самостоятельно определять, как исполнять свои международные обязательства» [4, с. 141].

Монистическая концепция соотношения национального и международного права, в свою очередь, предусматривает пересечение при регулировании общественных отношений принципов и норм права, содержащихся в формах национального и международного права. В рамках данной концепции выделяют два варианта установления приоритетности правовых регуляторов.

Первый определяет примат национального права и берет свое начало в трудах немецкого философа Г. В. Ф. Гегеля, который утверждал, что государство есть полностью суверенная воля, самостоятельная по отношению к другим государствам [5, с. 358]. Согласно данному подходу государство может по своему усмотрению изменять принципы и нормы национального права, не ориентируясь на международное право. На практике использование принципа примата национального права в международных отношениях неоднократно приводило к конфликтам.

Одним из самых ярких примеров является Германия, которая во второй половине 30-х гг. XX в. объявила о выходе из Лиги Наций. Таким образом, политическое руководство Германии данного периода отказалось признавать международное право, государство захватило часть территорий соседних стран, что в конечном итоге привело к началу Второй мировой войны. Ее последствия и результаты проведенного Международным военным трибуналом в 1945–1946 гг. Нюрнбергского процесса стали мощным толчком к развитию международного права и формированию новых инструментов для поддержания мира и международного правопорядка.

Данная концепция соотношения анализируемых правовых систем в настоящее время рассматривается исключительно в контексте исторического

периода, так как современные страны чаще придерживаются другого варианта монистического подхода (устанавливающего примат международного права) либо дуалистического подхода.

Направление, обосновывающее в рамках монистической концепции верховенство международного права над национальным, оформилось после Первой мировой войны. Страны-победители, входившие в Антанту, стремясь не допустить повторения глобального вооруженного конфликта, предложили новую концепцию международного правопорядка. Теоретические ее основы изложил Г. Кельзен в трудах «Чистая теория права» и «Принципы международного права». Философ считал, что национальное и международное право образуют единый правопорядок и различаются лишь способом образования [6, с. 398]. Международное право обеспечивает возможность сосуществования множества государств, определяя территориальные границы и устанавливая порядок регулирования внутренних вопросов. Ученый также отмечал, что у национального и международного права единая цель – предотвращать вредное поведение и поощрять полезное – и единый субъект, включающий индивида. Таким образом, по мнению Г. Кельзена, нормы международного права имеют повсеместное распространение и обладают приоритетом по отношению к национальному праву [6, с. 407–411, 418 и др.]. Этот подход характерен для современных Германии, Франции.

В российской правовой системе решен вопрос о взаимодействии международного и национального права. Так, в нашем государстве приоритет международного права над национальным закреплен ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации, которая устанавливает: «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора».

В то же время ч. 1 ст. 15 Конституции Российской Федерации закрепляет ее высшую юридическую силу, прямое действие и применение на всей территории Российской Федерации, устанавливая, что законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции Российской Федерации. По смыслу данной нормы речь идет о непротиворечии основополагающему правовому акту страны иных правовых актов, но не международных правовых договоров, порядок заключения, выполнения и прекращения которых устанавливается Федеральным законом «О международных договорах Российской Федерации»¹. Рассматриваемый Федеральный закон закрепляет статус международных правовых договоров, определяя, что решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации, в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации.

¹ Федеральный закон «О международных договорах Российской Федерации» от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ (в ред. 08.12.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 29. Ст. 2757.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что международные правовые договоры, с одной стороны, являются частью российского права и в случае противоречия им законов имеют приоритет. С другой стороны, они не должны противоречить Конституции Российской Федерации, в противном же случае не подлежат исполнению.

Еще одной проблемой, связанной с реализацией в национальном праве России международных правовых договоров, является их ратификация. Следует отметить, что в целом для государств, воспринявших дуалистическую концепцию взаимоотношений национального и международного права, решение указанного вопроса основывается на определении вида международного правового договора, является он самоисполнимым или несамоисполнимым.

Как отмечает Б. И. Осминин, главное отличие двух видов международных правовых договоров заключается в «необходимости издания имплементационного законодательства»: для самоисполнимых договоров этого не требуется, они применяются непосредственно, «...на них могут опираться физические и юридические лица для защиты своих прав, в том числе в суде» [7, с. 80]. Несамоисполнимые международные правовые договоры имеют более сложную систему применения.

Конкретизируя общетеоретическое правовое понятие, реализацию международных правовых договоров можно рассматривать как воплощение их принципов и норм в поведении и деятельности субъектов национального и международного права. Для реализации важное значение имеет имплементация правовых регуляторов. Несмотря на то что Федеральный закон «О международных договорах Российской Федерации» не содержит указанного понятия, без его понимания невозможно рассмотреть вопрос о реализации принципов и норм международного права в национальной правовой системе.

Слово «имплементация» (от англ. implementation) означает фактическое осуществление международных обязательств на внутригосударственном уровне путем трансформации международно-правовых норм в национальные законы и подзаконные акты². Как видно из определения, имплементация предваряет реализацию.

По мнению В. А. Вдовина, имплементацию можно классифицировать на общую и специальную [8, с. 10]. Т. А. Желдыбина отмечает: «Общая имплементация заключается в установлении государством в своем внутреннем праве нормы, констатирующей наличие международно-правового регулятора в сфере действия национального права» [9, с. 122]. Способом общей имплементации является общая (универсальная) отсылка к международному праву. В качестве такой отсылки можно рассматривать норму, закрепленную в ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации. Специальная имплементация – наделение государством конкретных норм международного права силой внутригосударственного действия. Этот вид имплементации

² См.: Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. М. : Инфра-М, 2003. URL: <http://law.niv.ru/doc/dictionary/big-legal/fc/slovar-200-2.htm#zag-2449/> (дата обращения: 06.05.2024).

осуществляется путем изменения действующих национальных правовых актов.

Юридическая наука выделяет следующие способы имплементации международного права: инкорпорацию, трансформацию, рецепцию, отсылку.

Инкorporация (от лат. *incorporatio* – включение в свой состав) означает объединение в одно целое двух и более основ, автономных по своему значению³. Анализируя рассматриваемый вид имплементации, Т. И. Курносова дает ему следующее определение: «Инкorporация – это способ реализации норм международного права во внутреннее законодательство государства, который выражается в принятии государством новых, изменении или отмене действующих норм внутреннего права для обеспечения имплементации международных норм» [10, с. 206]. Этот способ имплементации требует принятия соответствующего национального правового акта, который переадресует принципы и нормы международного права субъектам права конкретного государства. В качестве примера осуществления данного способа имплементации можно рассматривать ст. 12 Конвенции ООН о правах ребенка⁴, которая нашла выражение в ст. 57 Семейного кодекса Российской Федерации.

Следующий способ имплементации – трансформация, «...которая может осуществляться специальным законом либо законодательным провозглашением действия международного договора на территории данного государства и обязанности всех лиц его соблюдать»⁵. Данный способ имплементации права вызывает дискуссию в юридической науке, в том числе в вопросах его толкования и выделяемых видов [10, с. 205]. Примером такого способа имплементации принципов и норм международного права в российском праве является Федеральный закон «Об охране окружающей среды»⁶, включающий положения Конвенции о биологическом разнообразии 1992 г.⁷

Еще одним способом имплементации принципов и норм международного права является рецепция – «заимствование или воспроизведение», восприятие «какой-либо национальной правовой системой принципов, институтов, основных черт другой национальной правовой системы»⁸. В ка-

³ См.: Советский энциклопедический словарь / под ред. А. М. Прохорова. 4-е изд. М.: Сов. энцикл., 1988. С. 493.

⁴ Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г.) (вступила в силу для СССР 15 сентября 1990 г.) // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLVI. М.: Междунар. отнош., 1993.

⁵ Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских.

⁶ Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об охране окружающей среды» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 2. Ст. 133.

⁷ Конвенция о биологическом разнообразии (вместе с «Определением и мониторингом», «Процедурой арбитражного разбирательства», «Согласительной процедурой») (заключена в г. Рио-де-Жанейро 5 июня 1992 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 19. Ст. 2254.

⁸ Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских.

честве примеров данного способа имплементации можно рассматривать воспроизведение в главе 2 Конституции Российской Федерации международных правовых договоров, в том числе Международного пакта о гражданских и политических правах, или реципированную из римского права норму, закрепленную в ст. 27 Гражданского кодекса Российской Федерации, регулирующую эмансипацию.

Нельзя обойти вниманием и такой достаточно объемный по своему содержанию способ имплементации, как отсылка, при которой в национальной норме права содержится перенаправление к нормам международного права. На сегодняшний день данный способ имплементации является наиболее распространенным при включении норм международного права в национальное право Российской Федерации. Стоит отметить, что этот способ применяется только к самоисполнимым нормам международного права. Примером отсылочной реализации международных договоров может служить ч. 1 ст. 1211 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Подводя итоги проведенному исследованию, можно сделать вывод, что теоретические концепции соотношения национального и международного права имеют серьезную практическую значимость. Монистическая концепция, которая нашла отражение в праве нашей страны, основывается, на наш взгляд, на сбалансированном соотношении принципов и норм национального и международного права, гармонизирует правовое регулирование, вместе с тем сохраняя государственные интересы. Включение принципов и норм международного права в российскую правовую систему осуществляется различными способами, что формирует сложную, но слаженную систему правовых регуляторов, закрепленных в иерархически выстроенной системе форм национального и международного права. Это позволяет Российской Федерации успешно проводить свою внешнюю политику и сохранять суверенитет, активно развивать торговые отношения с другими государствами, оставаясь привлекательным партнером для ведения международного бизнеса.

Список источников

1. Дерябина Е. М. Традиционные доктрины и подходы к решению вопроса о соотношении международного, внутригосударственного и общеевропейского права: монизм и дуализм // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Юриспруденция : электрон. журн. 2010. № 2. С. 121–131.
2. Бирюков П. Н., Галушко Д. В. Сравнительное правоведение : учебник. М. : Проспект, 2020. 280 с.
3. Самович Ю. В., Марухно Е. Ю. Формирование и развитие доктрин о соотношении международного и национального права // Международное право и международные организации. 2022. № 3. С. 25–34.
4. Власова Т. В., Дуэль В. М., Занина М. А. Теория государства и права : учеб. пособие. М. : РАП, 2013. 288 с.
5. Гегель Г. В. Ф. Философия права / пер. с нем. М. : Мысль, 1990. 524 с.
6. Кельзен Г. Чистое учение о праве / пер. с нем. М. В. Антонова, С. В. Лезова. 2-е изд. СПб. : Алет-Пресс, 2015. 542 с.

7. Осминин Б. И. Вопросы самоисполнимости международных договоров (на примере США, Нидерландов и России) // Журнал российского права. 2012. № 6. С. 80–90.
8. Вдовин В. А. Имплементация международно-правовых норм в уголовном праве Российской Федерации (вопросы Общей части) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2006. 28 с.
9. Желдыбина Т. А. Имплементация как правовой институт // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. 2014. № 2 (34). С. 120–124.
10. Курносова Т. И. Понятие и способы имплементации норм международного права в национальное законодательство // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 4. С. 203–209.

References

1. Deryabina, E. M. Traditional doctrines and going near the decision of question about correlation of international, domestic and European law: monism and dualism. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser.: Yurisprudentsiya = Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*. E-edition. 2010;(2):121-131. (In Russ.)
2. Biryukov, P. N., Galushko, D. V. *Comparative law*. Textbook. Moscow: Prospekt; 2020. 280 p. (In Russ.)
3. Samovich, Yu. V., Marukhno, E. Yu. Formation and development of doctrines on the correlation of international and national law. *International Law and International Organizations*. 2022;(3):25-34. (In Russ.)
4. Vlasova, T. V., Duel, V. M., Zanina, M. A. *Theory of state and law*. Textbook. Moscow: Russian Academy of Justice; 2013. 288 p. (In Russ.)
5. Hegel, G. W. F. *Philosophy of law*. Transl. from German. Moscow: Mysl'; 1990. 524 p. (In Russ.)
6. Kelsen, H. *The pure doctrine of law*. 2nd ed. Transl. from German by M. V. Antonov, S. V. Lyozov. St. Petersburg: Alef-Press; 2015. 542 p. (In Russ.)
7. Osminin, B. I. Issues of self-enforceability of international treaties (on the example of the USA, the Netherlands and Russia). *Journal of Russian Law*. 2012;(6):80-90. (In Russ.)
8. Vdovin, V. A. *Implementation of international legal norms in the criminal law of the Russian Federation (issues of the General part)*. Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Kazan; 2006. 28 p. (In Russ.)
9. Zheldybina, T. A. Implementation as a legal institution. *Vestnik Instituta zakonodatel'stva Respubliki Kazakhstan = Bulletin of the Institute of Legislation of the Republic of Kazakhstan*. 2014;(2):120-124. (In Russ.)
10. Kurnosova, T. I. Definition and means of implementation of the norms of international law into the national legislation. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual Problems of Russian Law*. 2015;(4):203-209. (In Russ.)

Информация об авторе

К. В. Павловская – студент 2 курса.

Information about the author

K. V. Pavlovskaya – 2nd year student.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 13.05.2024; одобрена после рецензирования 21.05.2024; принята к публикации 27.05.2024.

The article was submitted 13.05.2024; approved after reviewing 21.05.2024; accepted for publication 27.05.2024.